

надлежали къ служилой аристократіи, но могли и выше двигаться по служебной лѣстницѣ, достигая званія „думныхъ дьяковъ“, „думныхъ дворянъ“ и т. д. Дѣти московскихъ дьяковъ если не шли по отцовской—приказной дорогѣ, то выходили на болѣе широкой путь—въ жильцы и въ „московскій списокъ“, откуда прямой переходъ былъ въ стольники, думные дворяне и т. д. ¹⁾).

Подьячіе московскихъ приказовъ, конечно, уступали въ своемъ значеніи дьякамъ, но и ихъ положеніе было очень видное, и уже по тому одному, что они были первыми кандидатами въ дьяки. Котошихинъ говоритъ, что не только простые дьяки московскихъ приказовъ, но даже думные дьяки бываютъ изъ „дворянъ“, „гостей“ и „изъ подьячихъ“ (стр. 19, 21). Если подьячихъ онъ поставилъ здѣсь на послѣднемъ мѣстѣ, это еще не значить, чтобы изъ подьячихъ менѣе всего бывало дьяковъ: Котошихинъ перечисляетъ эти три категоріи „чиновъ“ въ порядкѣ ихъ важности и значенія. Чтобы рѣшить, изъ какой категоріи болѣе всего выходило дьяковъ XVII вѣка, нужно знать ихъ біографіи, коихъ мы почти не имѣемъ...

Относительно дьяковъ XVI в. г. Лихачевъ (с. 137) соглашается съ Котошихинымъ, что дьяки бывали „и изъ подьячихъ“, и въ примѣръ приводитъ извѣстныхъ дьяковъ Ивана Висковатаго (с. 258—259), Захара Связева (с. 508—509) и др., начавшихъ службу подьячими ²⁾. Нельзя думать, чтобы за весь XVI вѣкъ были только эти немногіе примѣры: и біографіи дьяковъ XVI вѣка также мало намъ извѣстны, какъ и за XVII вѣкъ. Исслѣдованіе г. Лихачева сообщаетъ отрывочныя и неполныя біографическія данныя только о нѣкоторыхъ дьякахъ. Однако г. Лихачевъ, рѣшается утверждать, что „огромное большинство приказныхъ дьяковъ XVI вѣка несомнѣнно дѣти боярскіе, повышенные въ дьячество“ (с. 549). Пусть будетъ пока (то-есть, пока не появятся обстоятельныя біографіи всѣхъ дьяковъ) и такъ, для задачи настоящей статьи важно и то, что г. Лихачевъ великодушно допускаетъ, что среди родовитыхъ дьяковъ нерѣдко бывали дьяки и изъ подьяческихъ фамилій, и что даже родовитые дьяки начинали службу съ подьячества... Все это говоритъ о большомъ значеніи подьячихъ, которыхъ г. Лихачевъ непрочъ изображать только какъ писцовъ при дьякахъ... Но о болѣе широкомъ значеніи москов-

¹⁾ Котошихинъ (изд. 2-е, СИБ., 1859), с. 21; *Лихачевъ*, 549, 550.

²⁾ См. „Отвѣтъ суровому критику“ *Н. П. Лихачеву*, с. 24, гдѣ авторъ отмѣчаетъ фактъ производства подьячаго въ дьяки еще въ XV вѣкѣ.

скихъ подьячихъ говоритъ уже то обстоятельство, что дѣти ихъ равнѣ съ дѣтьми дворянъ и дьяковъ вступали въ званіе „жильцовъ“, какъ свидѣтельствуеъ Котошихинъ (с. 21), и въ чемъ его подтверждаютъ факты какъ за XVI-й, такъ и за XVII вѣкъ. А какой широкій путь открывался жильцамъ,—мы уже знаемъ.

Что такое были подьячіе московскихъ приказовъ по своему развитію и образованію,—это знаетъ и г. Лихачевъ, когда приводитъ (с. 132) въ примѣръ ихъ интеллигентности знаменитаго подьячаго Котошихина, написавшаго на память и вдали отъ Россіи цѣлое изслѣдованіе о положеніи современной ему Россіи. Не даромъ мы видимъ этихъ подьячихъ на самымъ разнообразныхъ поприщахъ государственной дѣятельности—въ приказахъ, посольствахъ, въ званіи воеводскихъ товарищей въ городахъ (то-есть, на одной линіи съ дьяками) и т. п.

Нерѣдко подьячіе оставляли свое званіе и переходили въ другіе „чины“—въ жильцы. московскіе дворяне и т. д. Приведу одинъ случай перехода московскихъ подьячихъ въ жильцы. случай, показывающій выѣстъ съ тѣмъ, что среди подьячихъ бывали и люди родовитые. Въ „выписи“ Сибирскаго приказа по дѣлу 176 года о назначеніи жильца Самоѣла Александровича Лисовскаго байкальскимъ „казачьимъ головою“ (въ Баргузинскомъ и Ангарскомъ острожкахъ) читаемъ ¹⁾, что „иноземцы Полотцкаго воеводства шляхта“ Самоѣло и Василій Лисовскіе въ 162 году были „взяты съ матерью своею попомомъ къ Москвѣ“, здѣсь „крещены“ и до 176 года „сидѣли въ приказѣхъ у государева дѣла, а нынѣ имъ въ приказѣхъ въ подьячихъ сидѣтъ непристойно, потому что родители ихъ въ Корунѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ люди породные, и породу ихъ здѣсь знаютъ и иноземцы полковники, и иныхъ чиновъ начальные люди“... Многіе изъ ихъ братіи—„шляхты“ отпущены по государеву указу „въ королевскую сторону“, но челобитчики „не хотятъ отстать православные христіанскіе вѣры и государской милости отбыть“. тѣмъ болѣе, что на Москвѣ они „взросли и вскормлены“. Въ 176 году они били челомъ государю, чтобы онъ „велѣлъ имъ тотъ чинъ переимѣнить“ и послать ихъ на службу въ Сибирь. „Государь пожаловалъ—велѣлъ ихъ написать по жильцовому списку и дать имъ по 50 рублевъ денегъ, и послать ихъ въ сибирскіе города“ казачьими головами—Самоѣла на Байкаль, а Васяля въ Тобольскъ.

¹⁾ Московскій архивъ министерства юстиціи, Сибирскаго приказа столбецъ № 451 (ил. не нумерованы).

Но если „люди породные“ являются исключеніями среди московскихъ подьячихъ, то откуда же наполнялся этотъ „чинъ“ служилыхъ людей? Сколько мнѣ извѣстно, наша историческая литература не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ ¹⁾. У Котошихина нѣтъ никакихъ указаній. Актовый матеріалъ почти ничего не даетъ по этому вопросу. Разгадка его—въ архивныхъ матеріалахъ Разряднаго приказа.

За XVI вѣкъ извѣстно характерное показаніе князя Курбскаго о происхожденіи дьяковъ и подьячихъ: „писари же наши рускіе, имъ же князь великій зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простого всенародства“... Г. Лихачевъ ²⁾ относитъ эти слова къ московскимъ дьякамъ, даже специально—къ какимъ-то „государевымъ (?) дьякамъ“, считая однако показаніе Курбскаго „преувеличеніемъ челоуѣка, ненавидящаго дьяковъ за ихъ вліяніе“. Но мнѣ кажется, еслибы Курбскій говорилъ здѣсь только о дьякахъ, то именно „дьяки“ и были бы имъ поставлены, а не „писари“—понятіе общее, обнимающее и дьяковъ, и подьячихъ. Оставляя въ покоѣ дьяковъ и даже допуская, что по отношенію къ нимъ слова Курбскаго являются „преувеличеніемъ“, слѣдуетъ однако признать, что относительно московскихъ подьячихъ даже XVII вѣка слова Курбскаго вполне отвѣчаютъ истинѣ.

Мнѣ не приходилось заниматься специальнымъ изученіемъ того богатаго архивнаго матеріала по вопросу о происхожденіи московскихъ подьячихъ XVII вѣка, какой заключается въ столбцахъ и книгахъ Разряднаго приказа, но на сколько удалось сдѣлать мимоходныхъ наблюденій,—нельзя не признать, что именно изъ „всенародства“ (а въ томъ числѣ и изъ „поповства“) выходили главнымъ образомъ тѣ московскіе подьячіе, у которыхъ былъ только одинъ шагъ до дьячества. Чтобы не быть голословнымъ, укажу на одинъ источникъ московскаго подьячества—на переходъ провинціальныхъ подьячихъ въ московскіе. Факты такихъ переходовъ въ XVII вѣкѣ очень часты и вполне естественны. Мы знаемъ, что въ рѣдкомъ воеводствѣ не сидѣлъ дьякъ, или московскій подьячій въ качествѣ воеводскаго товарища и высшаго начальника мѣстной воеводской избы. Съ составомъ послѣдней—съ мѣстными подьячими пріѣзжій дьякъ невольно и хо-

¹⁾ 60 лѣтъ назадъ появилась безъ подписи статья „Русскіе подьячіе XVII вѣка“ (*Библиотечка для чтенія*, 1884, V), но мнѣ не удалось познакомиться съ нею.

²⁾ „Разрядные дьяки“, 136, 549.

рошо знакомился и скоро узнавалъ людей способныхъ и знающихъ. Уѣзжая въ Москву, послѣ 2—3 лѣтъ воеводства, дьякъ тащилъ съ собою, или подготавливалъ переходъ въ московскіе приказы тѣхъ мѣстныхъ подьячихъ, которые выдавались талантливостью и знаніями. Но и кромѣ воеводства, мисси дьяковъ и московскихъ подьячихъ въ провинцію бывали очень часты и всегда сопровождались участіемъ мѣстныхъ подьячихъ. Вообще, у провинціальныхъ подьячихъ были крѣпкія и постоянныя связи съ московскимъ подьячествомъ. Переходы послѣднихъ въ Москву были потому такъ часты, что, очевидно, сама Москва не въ силахъ была удовлетворять спроса на подьяческія силы. Изъ московскихъ служивыхъ людей подьячихъ всего болѣе давали подьяческія фамиліи, то-есть дѣти московскихъ подьячихъ вступали на отцовскую дорогу. Но такъ какъ для нихъ не были закрыты и другіе болѣе привлекательные пути (въ жильцы и пр.), то они не особенно охотно шли въ подьячество и московскимъ приказамъ невольно приходилось обращаться къ запасу готовыхъ подьяческихъ силъ въ провинціи.

Отмѣчу нѣсколько фактовъ перехода провинціальныхъ подьячихъ въ московскіе приказы. Этыхъ фактовъ я специально не собиралъ; они случайно подвернулись при изученіи матеріаловъ по предмету настоящаго очерка.

Чаще всего переходили въ Москву подьячіе крупныхъ городовъ, гдѣ воеводскими товарищами обязательно бывали дьяки, и гдѣ съѣзжія избы или приказныя палаты были обширными учрежденіями и по кругу дѣятельности, и по составу подьячихъ. Такимъ городомъ былъ, напримѣръ, Тобольскъ откуда нерѣдко переводили подьячихъ въ Сибирскій приказъ. Такъ, въ 163 году переведенъ былъ туда даже „отставной“ тобольскій подьячій Василій Игнатьевъ. Сохранилась любопытная челобитная его ¹⁾, которую привожу въ извлеченіи.

Отецъ челобитчика, Игнатій Игнатьевъ, былъ верхотурскимъ подьячимъ безъ малаго 50 лѣтъ—сидѣлъ „у твоихъ государевыхъ дѣлъ въ съѣзжей избѣ, въ денежномъ и въ ясачномъ столѣхъ, какъ съ Лозвы на Верхотурье и городъ переведенъ—со 101 году до 150 году“. когда онъ умеръ. Въ 147 году Тобольскій воевода бояринъ князь Петръ Ивановичъ Пронской, будучи проездомъ на Верхотурь, опредѣлилъ Василю Игнатьева подьячимъ Верхотурской же избы. Въ 154 году тобольскій воевода Иванъ Ивановичъ Салтыковъ про-

¹⁾ Сибир. приказа столбецъ № 342.

взявъ Верхотурье, взявъ Василія съ собою и перевелъ въ Тобольскую съѣзжую избу—подъячимъ „съ справою“ Разряднаго стола, на мѣсто Никифора Чаплина (кажется—изъ дворянской фамиліи?..). Такъ удачно начатая служба была испорчена неожиданнымъ ударомъ: въ 159 году изъ „стола“ В. Игнатъева „утерялась“ одна государева грамота, за что воевода бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ „отъ государева дѣла отставилъ“ его, и съ тѣхъ поръ челобитчикъ „скитаецца межъ дворъ Христовымъ именемъ и помираеть голодною смертію“... Въ 163 году онъ подалъ челобитную объ опредѣленіи подъячимъ на родину—въ Денежный столъ Верхотурской съѣзжей избы, на мѣсто подъячаго Аванасья Бункова—„тяглаго посадскаго человѣка“. Но результатъ челобитной вышелъ неожиданный: вмѣсто Верхотурской избы В. Игнатъевъ очутился подъячимъ Сибирскаго приказа, о чемъ онъ и не смѣлъ просить въ качествѣ „отставнаго“ подъячаго... Но очевидно В. Игнатъева знали съ хорошей стороны въ Сибирскомъ приказѣ и не поставили ему въ вину случайную утерю грамоты, за что онъ уже былъ достаточно наказанъ, болѣе трехъ лѣтъ находясь безъ должности. Результатъ былъ тѣмъ болѣе неожиданный, что къ переводу въ Сибирскій приказъ былъ уже назначенъ другой тобольскій подъячій, какъ гонорить слѣдующій приговоръ приказа на челобитной В. Игнатъева: „дать грамота въ Тоболескъ—велѣтъ ево отпустить къ Москвѣ въ подъячіе въ Сибирской приказъ, и подводъ ему дать, а подъячаго Петра Ерохина изъ Тобольска къ Москвѣ посылать не велѣтъ, что болѣе“. Грамота объ исполненіи приговора послана тобольскимъ воеводамъ стольнику князю Василю Ивановичу Хилкову съ товарищи 22-го іюня 163 года.

Но не изъ однихъ крупныхъ городовъ переводились подъячіе въ Москву, переводились изъ среднихъ, даже очень малыхъ, преимущественно подмосковныхъ городовъ, у которыхъ были особенно близкія связи съ Москвою. Такъ, въ 175 году переведенъ былъ въ Помѣстный приказъ подъячій Переславль-Рязанской съѣзжей избы Анисимъ Невѣжинъ ¹⁾. Въ 192 году изъ той же избы переведенъ по челобитію въ Приказъ Большой Казны подъячій Григорій Смирновъ ²⁾, который, какъ увидимъ ниже, былъ сыномъ и внукомъ „старинныхъ“ рязанскихъ пушкарей, то-есть, происходилъ изъ очевиднаго „всепородства“. Въ 175 году Суздальской приказной избы подъячій Оедоръ Ивановъ

¹⁾ Приказнаго стола Разряднаго приказа столбецъ № 871, дѣло 6-е.

²⁾ Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 345, дѣло № 94.

назначенъ въ приказъ Положняичныхъ дѣлъ, и хотя ему тамъ „вѣдно быть на время“, но вѣроятно это временное назначеніе перешло затѣмъ въ постоянное, такъ какъ его суздальское мѣсто было отдано „безмѣстному“ подьячему Роману Иванову ¹⁾. Временное же испытаніе Федора Иванова въ приказѣ объясняется тѣмъ, что на него подали суздальскіе посадскіе люди челобитную, обвиняя его „въ обидахъ и во взяткахъ, и въ томъ дѣлѣ высланъ онъ къ Москвѣ“. Пока производилось его дѣло въ Разрядѣ, этотъ приказъ „отослалъ“ Иванова въ Положняичный приказъ, вѣроятно нуждавшійся въ подьячихъ. Такимъ образомъ, въ московскіе подьячіе могли попадать люди далеко не безупречные.

Даже такіе небольшіе города, какъ Коломна и Пошехонье, давали Москвѣ своихъ подьячихъ. Въ 171 году коломенскій воевода Никита Кутузовъ жаловался Разряду на полное отсутствіе подьячихъ въ сѣѣзжей избѣ, такъ какъ двое мѣстныхъ подьячихъ взяты „по указу“ въ Москву, а кандидатовъ въ подьячіе воевода въ Коломнѣ не находить ²⁾. Въ 180 году на такое же отсутствіе подьячихъ и по той же причинѣ жаловался пошехонскій воевода Иванъ Болховской: по государеву указу „взяты изъ Пошехонья подьячіе къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ въ Ямской приказъ, а другой въ Розбойной (приказъ)—Стенька да Бориско Грязновы“ ³⁾.

Если такимъ образомъ провинціальное подьячество было источникомъ московскаго подьячества, а чрезъ него и дьячества, то совершенно непонятнымъ становится то презрительное отношеніе къ приказнымъ людямъ провинціи, какое высказываетъ г. Лихачевъ, резюмирующій свою характеристику дьячества XVI вѣка такъ: „говоря о дьякахъ, я имѣлъ въ виду не дьяковъ вообще, а московскихъ приказныхъ государевыхъ (?) дьяковъ, которые существенно и очевидно отличаются отъ какихъ нибудь, напримѣръ, дьяковъ земскихъ (?) избъ въ областныхъ городахъ“ ⁴⁾. Въ этой тирадѣ прежде всего бросаются въ глаза два недоразумѣнія... Что такое „государевы дьяки“? Всѣ и всякіе дьяки и подьячіе того времени были „государевыми холопами“, и никто изъ нихъ не носилъ какого-то особаго титула „государева дьяка“. Если г. Лихачевъ хотѣлъ выдѣлить здѣсь тѣхъ москов-

¹⁾ Ibid. столбецъ № 345, дѣло № 38.

²⁾ Приказнаго стола столбецъ № 218, дѣло № 23.

³⁾ Сибирскаго приказа столбецъ № 883 (то-есть—столбецъ Разряднаго приказа* но числится въ отдѣлѣ Сибирскаго приказа).

⁴⁾ „Разрядные дьяки“, с. 226.

скихъ дьяковъ, которые близко стояли къ государямъ или по своему положенію (думные дьяки), или по личному вліянію, тогда вѣдь онъ неправильно резюмируетъ первую главу своего изслѣдованія, трактуящую далеко не объ однихъ только думныхъ и т. п. дьякахъ. Еще непонятнѣе другое выраженіе — „дьяки земскихъ избъ“! Никакихъ „дьяковъ“ въ „земскихъ избахъ“ не бывало: тамъ сидѣли только подьячіе или „дьячки“. А „дьяки“ въ провинціи являются лишь воеводскими товарищами и начальниками воеводскихъ избъ, или приказныхъ палатъ въ большихъ центрахъ. Очевидно, восподскія избы и разумѣлъ здѣсь г. Лихачевъ, противопоставляя ихъ московскимъ приказамъ. Но какъ же онъ забылъ, что сама провинція не производила дьяковъ, и что они являлись въ провинцію только изъ московскихъ приказовъ! Это тѣмъ болѣе не понятно, что самъ г. Лихачевъ говоритъ, напримѣръ, объ извѣстномъ дьякѣ XVII вѣка Оед. Оед. Лихачевѣ, который не одинъ разъ сидѣлъ въ Казани воеводскимъ товарищемъ ¹⁾; да и о дьякахъ XVI вѣка г. Лихачевъ знаетъ, что они нерѣдко служили въ провинціи „въ товарищахъ“ при воеводахъ ²⁾.

Значить, нѣтъ особаго смысла въ противоположеніи дьяковъ московскихъ приказовъ дьякамъ провинціальнымъ: источникъ тѣхъ и другихъ одинъ и тотъ же. Сегодняшній казанскій дьякъ былъ завтра дьякомъ приказа, затѣмъ снова ѣхалъ въ провинцію и т. д. Нѣкоторое значеніе получить тирада г. Лихачева лишь въ томъ случаѣ, если вмѣсто фантастическихъ „дьяковъ земскихъ избъ“ мы поставимъ дѣйствительно существовавшихъ „подьячихъ воеводскихъ избъ“... Но и тогда презрительное отношеніе г. Лихачева къ провинціальнымъ подьячимъ нельзя признать основательнымъ...

Я уже коснулся одной стороны крупнаго значенія этихъ подьячихъ даже для Москвы—въ роли источника московскаго подьячества. А какъ громадна была ихъ роль въ провинціи,—нужно ли это доказывать?.. Ограничусь самыми необходимыми штрихами.

Если въ крупныхъ городахъ воеводскими товарищами обязательно являлись дьяки и московскіе подьячіе, то въ малыхъ городахъ этими товарищами нерѣдко бывали не московскіе только, но и мѣстные подьячіе. Но для послѣднихъ это положеніе было исключительнымъ явленіемъ, а главное ихъ значеніе въ томъ, что они были дѣй-

¹⁾ Ibid., с. 181.

²⁾ Ibid., 131, 247 и слѣд., 252 и слѣд.

ствительными руководителями и дѣльцами воеводскихъ избѣ. Воеводы и ихъ товарищи изъ московскихъ приказныхъ людей были людьми случайными въ данномъ городѣ, которые прѣзжали туда на очень короткіе сроки — на 2 — 3 года, рѣдко больше. Не успѣвали они ознакомиться съ своимъ воеводствомъ, какъ приходилось оставлять его и ѣхать на другую службу, или на отдыхъ. Не таково было положеніе подьячихъ. Это были большею частью мѣстные уроженцы, служившіе въ родномъ городѣ и уѣздѣ по нѣскольکو десятковъ лѣтъ. Вотъ нѣскольکو примѣровъ особой продолжительности подьяческой службы въ провинци.

Пелымскій подьячій Григорій Васильевъ Путиловъ пишетъ въ челобитной 155 г.: „былъ дѣдъ мой Путило Степановъ у твоего государева дѣла въ съѣзжей избѣ въ подьячихъ по многіе годы—лѣтъ съ 50“... ¹⁾). Отецъ вышеупомянутаго тобольскаго подьячаго Василья Игнатьева, переведеннаго въ Сибирскій приказъ, былъ верхотурскимъ подьячимъ „со 101 г. до 150 году“ ²⁾, то-есть, также около 50 лѣтъ. Челобитная енисейскаго подьячаго Ивана Ѳедосѣева Пузанина, 162 г. говорятъ, что отецъ его Ѳедосей Ермолинъ былъ „въ подьячихъ, больши 20 лѣтъ“ ³⁾. Правда, служба Ермолина прошла не въ одномъ городѣ: онъ служилъ въ березовской, мангазейской и енисейской съѣзжихъ избахъ. Но предыдущіе примѣры говорятъ о полувѣковой службѣ подьячихъ въ одномъ городѣ. Вотъ и еще подобные примѣры. Григорій Романовъ былъ во второй половинѣ XVII вѣка подьячимъ тобольской приказной палаты около 40 лѣтъ ⁴⁾. Въ грамотѣ верхотурскому воеводѣ, отъ 7-го мая 181 г., по поводу челобитной подьячаго Евтихія Юлина, читаемъ: „работаетъ-денамъ отецъ ево Евтихѣевъ Лаврентій Юлинъ на Верхотурьѣ у всякихъ нашихъ государевыхъ дѣлъ въ подьячихъ лѣтъ съ 20 и больши“... ⁵⁾. Болѣе 20 лѣтъ служилъ въ Угличѣ подьячимъ Ѳедоръ Звѣревъ ⁶⁾. Мценскій подьячій Никифоръ Папшинъ служилъ болѣе 25 лѣтъ ⁷⁾, чернавскій подьячій Данило Тиньковъ—болѣе 30 лѣтъ ⁸⁾ и т. д. Можно набрать очень много такихъ примѣровъ.

¹⁾ Сибирск. приказа, столб. № 260, л. 99.

²⁾ Ibid., ст. № 342.

³⁾ Ibid., ст. № 344.

⁴⁾ Ibid., ст. № 1051.

⁵⁾ Доп. Акт. Ист., VI, № 75.

⁶⁾ Приказнаго стола Разряда, ст. № 605.

⁷⁾ Ibid., ст. № 754, дѣло № 4.

⁸⁾ Ibid., ст. № 992, дѣло № 2.

Понятно, что при такой продолжительности службы подьячіе становились глубокими знатоками мѣстной жизни и въ качествѣ такихъ являлись хотя и не официальными, но за то дѣйствительными помощниками воеводъ и ихъ товарищей во всѣхъ отправленіяхъ ихъ разнообразной дѣятельности. На сколько близки были подьячіе къ воеводамъ, можно судить уже изъ одного того факта, что во всѣхъ многочисленныхъ за XVII вѣкъ „розыскныхъ дѣлахъ“ о воеводскихъ злоупотребленіяхъ обязательно фигурируютъ и мѣстные подьячіе въ роли дѣятельныхъ помощниковъ воеводъ и съ этой стороны... Изъ специальныхъ дѣлъ о подьяческихъ злоупотребленіяхъ ясно видно, какое громадное вліяніе имѣли подьячіе на жизнь провинціи ¹⁾. Слишкомъ часто приходится наталкиваться на документы въ такомъ родѣ: „роспись озарничеству и налогамъ Михайлопа города съѣзжіе избѣ отставныхъ подьячихъ Панкрашки Сазонова, Юдки Хомякова, ково они... градскихъ жителей всякихъ чиновъ людей были и кому что наложно училили“..., 191 г. ²⁾.

Злоупотребленія подьячихъ доходили до того, что иногда измученное населеніе просто молило царя объ уменьшеніи подьячихъ, жалуюсь на ихъ „многолюдство“... Приведу характерную „заручную челобитную“ ряжскихъ „помѣщиковъ и вотчинниковъ“, 185 г.: „въ прошлыхъ, государь, годѣхъ было въ Рязкомъ въ съѣзжей избѣ подьячихъ 2 человекъ, а нынѣ, государь, въ Рязкомъ въ съѣзжей избѣ подьячихъ 6 человекъ, а намъ холопамъ твоимъ и людишкомъ и крестьянишкомъ нашимъ отъ иныхъ подьячихъ чинятца продажи и убытки большіе: стало ихъ подьячихъ въ съѣзжей избѣ многолюдно! И нынѣ, государь, билъ челомъ тебѣ великому государю послужилецъ думного дьяка Александра Дурова дворовой ево человекъ Тихонъ Хвостовъ ³⁾, чтобъ ему быть въ Рязкомъ въ съѣзжей избѣ у твоихъ государевыхъ дѣлъ въ подьячихъ, съ окладомъ, и дана ему Тихону твоя великого государя грамота въ Рязкой къ воеводѣ. Милосердый государь... самодержецъ! пожалуй насъ холопей твоихъ — не вели, государь, ему Тихону быть въ Рязкомъ въ съѣзжей избѣ въ подьячихъ: стало ихъ многолюдно!... Царь-государь, смилуйся, пожалуй!“—Приговоръ: „185 г., іюня въ 26-й день,

¹⁾ Въ Приказномъ столѣ Разряднаго приказа встрѣчаемъ массу этихъ дѣлъ—см. столбцы №№ 455, 602, 672, 868, 873 (д. 1), 880 (д. 2), 882, 895, 936 и т. д.

²⁾ Приказнаго стола, столб. № 455.

³⁾ Изъ другихъ документовъ этого дѣла видно, что Т. Хвостовъ былъ „отставленой“ подьячій Разряднаго приказа.

по указу великого государя и по заручной челобитной дворянъ и дѣтей боярскихъ резанцевъ и ряшанъ, не велѣть тому подьячему въ Ряскомъ быть, и о томъ въ Ряской послать государева грамота, а велѣть въ Ряскомъ быть подьячимъ тѣмъ, которые градцимъ людемъ надобны". Грамота ряжскому воеводѣ послана 27-го іюня ¹⁾).

Приведу еще одинъ любопытный фактъ по тому же вопросу, хотя онъ собственно относится къ подьячему въ роли воеводскаго товарища. Въ 155 г. на смѣну енисейскаго воеводскаго товарища „подьячаго съ приписью“ Василя Шпилкина назначенъ былъ „подьячій съ приписью“ Игнатій Недовѣсковъ. Находившіеся въ Москвѣ сибирскіе торговые люди, имѣя во главѣ гостя Кирилла Босого, подали государю челобитную ²⁾, въ которой, жалуясь на злоупотребленія Шпилкина, просили: „вели, государь, въ Енисейскомъ острогѣ быть непрежнему одному воеводѣ безъ подьячяго, а подьячему, государь, не вели быть, а прежнему государь, подьячему Вас. Шпилкину вели отказать, чтобъ твоей государевѣ казнѣ убыли не было, а намъ холопамъ и спротаѣ твоимъ отъ тѣхъ подьячяихъ и отъ ихъ насильствъ и грабежу торжишкова своихъ не отбыть и въ конецъ не погибнуть!..“ Челобитчики замѣчаютъ, что до 152 г. въ Енисейскѣ сидѣлъ одинъ воевода безъ товарища, а въ 152 г. начальный человекъ Сибирскаго приказа бояринъ кн. Никита Ивановичъ Одоевской, „любячи“ Вас. Шпилкина, послалъ его въ Енисейскъ „подьячимъ съ приписью“— „вновь, а преже, государь, сево не бывало“... (л. 233). Составленный Сибирскимъ приказомъ „докладъ“ государю (л. 231) старается отстоять подьячаго, ссылаясь главнымъ образомъ на то, что будто бы силами однихъ мѣстныхъ подьячяихъ, безъ руководства присланныхъ изъ Москвы дяковъ и подьячяихъ, дѣлопроизводство съѣзжихъ изъбъ ведется „несправчиво“ (л. 229, 231 и др.). Другой мотивъ приказа, что воеводы безъ товарищей позволяютъ себѣ разныя злоупотребленія, напримѣръ, енисейскій воевода Осинъ Опячковъ до приѣзда В. Шпилкина „роздалъ государевы многіе деньги и хлѣбъ въ долгъ, безъ государева указу“, не сообщая о томъ въ Москву. Уже послѣ смерти воеводы Шпилкинъ обнаружилъ это дѣло. Въ заключеніе докладъ основательно замѣчаетъ, что торговые люди весьма часто жалуются и на воеводъ, какъ, напримѣръ, въ 154 г. тотъ же гость Кир. Босой съ товарищи били челомъ на березо-

¹⁾ Приказнаго стола столб. № 733, д. № 2.

²⁾ Сибирскаго приказа столб. № 279, л. 233.